

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Никольского Бориса Михайловича на тему «Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий Еврипида», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Идея, которая лежит в основе диссертации Б. М. Никольского, кажется одновременно и очень простой, и чрезвычайно необычной – по крайней мере применительно к жанру трагедии, классические образцы которой служат в работе предметом интерпретации. Автор противопоставляет традиционный, восходящий к Аристотелю взгляд на трагедию как на череду поступков, складывающихся в единое «сказание», представлению о трагедии как своего рода идеологической конструкции, воплощающей определенный смысл. Этот смысл, по мнению исследователя, был сознательно заложен в текст автором; цель интерпретатора – обнаружить этот смысл, который объяснил бы и странности текста, и непоследовательности действия, которое ведь далеко не всегда выполняет требование единства, постулируемое теоретиками от Аристотеля и по крайней мере до Лессинга.

Внимание, таким образом, переносится с линейного действия на корреляцию мотивов и образов, на их переключки, которые напоминают автору музыкальный контрапункт (чрезвычайно плодотворная, на мой взгляд, аналогия между структурными принципами трагедии и приемами музыкальной композиции несколько раз всплывает в работе, но, к сожалению, не находит развития).

В интерпретации трагедии как конструкции смыслов автор, конечно, имел предшественников, в том числе и среди отечественных литературоведов: упомяну лишь работу Бориса Исааковича Ярхо о драматургии Корнеля, где различие между корнелевскими трагедиями и комедиями проводится на уровне «идейной концепции» (однако, если Ярхо вычленяет из трагедий обособленные группы «сентенций», не прослеживая связи между ними, то в центре внимания Б. М. Никольского – именно динамические связи между мотивами-смыслами).

Поиск композиционного единства трагедии в конфигурации смыслов – собственно, в конфигурации мотивов, которые понимаются автором, вслед за Б. М. Гаспаровым, как повторяющиеся элементы, наделенные смыслом, – вызывает у меня также ассоциацию (возможно, несколько странную с точки зрения филолога-классика) с работами Александра Павловича Скафтымова, особенно со статьей о тематической композиции романа «Идиот», где композиционное единство – правда, романа, а не трагедии – усматривается в иерархической

субординации мотивов (под которыми понимаются чувства, мотивирующие поведение героев).

Принципиальная новизна работы Б. М. Никольского мне видится не в тезисе о композиции трагедии как системе мотивов, и не в тезисе о наличии в трагедии реконструируемого авторского смысла, но в комбинации этих двух тезисов. Именно данная комбинация заключает в себе ту весьма актуальную проблему, на решение которой направлено все исследование и которая определяет его методологическую базу.

Автор выдвигает гипотезу о том, что, во-первых, целостность трагедий Еврипида определяется корреляциями между мотивами, которые находятся друг с другом в отношениях повтора, сходства, контраста и т. п.; эта конструкция мотивов, во-вторых, выражает смысл, заложенный в трагедию Еврипидом и доступный для научной реконструкции. Б. М. Никольский, таким образом, говорит о возможности найти единственную «правильную» интерпретацию текста – возможности, на которой, казалось бы, поставила крест постструктуралистская критика. Однако гипотеза Б. М. Никольского вполне, как мне кажется, согласуется с античной традицией – и риторической, настаивавшей на необходимости ясного выражения воли (*voluntas*) оратора, и поэтологической (у Горация в «Послании к Пизонам» порицается «двусмысленно сказанное» – «*ambigue dictum*»).

Но как вывести из конструкции мотивов, заключенной в тексте, этот единственный авторский смысл? Исследователь сталкивается здесь с той же проблемой, которую решала классическая немецкая герменевтика рубежа XVIII-XIX веков, когда искала в тексте «*sensus auctoris*» или, при его явном отсутствии, «*sensus primorum lectorum*»: «первый читатель», в силу близости его кругозора к кругозору самого автора, рассматривался как привилегированная герменевтическая инстанция. Так, для Фридриха Августа Вольфа при толковании од Горация таким «первым читателем», который лучше, чем мы, понимал замысел поэта, был Квинтилиан. Но в любом случае, как утверждает Август Бёк, «нельзя толковать так, как не мог бы понять ни один современник [писателя]» (Boekh A. *Enzyklopädie und Methodenlehre der philologischen Wissenschaften*. Leipzig: Teubner, 1886. S. 106).

Мне представляется, что Б. М. Никольский следует этому герменевтическому принципу: он стремится понять трагедии Еврипида так, как их мог задумать сам поэт или как их могли понять их первые зрители. Однако в его случае невозможно документально реконструировать ни «*sensus auctoris*», ни «*sensus primorum lectorum*». Именно для такой ситуации исследователь разрабатывает особый метод интерпретации, позволяющий выявить смысл, заложенный в трагедии самим Еврипидом и очевидный для их первых зрителей.

Этот метод состоит в сочетании структурного и контекстного анализа, которые представляют собой две фазы процесса интерпретации; при этом вторая фаза (контекстный анализ) не во всех случаях является обязательной. Имманентный структурный анализ выявляет конфигурацию мотивов, составляющих смысловую конструкцию произведения. В идеальном случае этот анализ приводит к выявлению смысловой доминанты, которая и является темой произведения; из нее вычитывается смысл, заложенный автором. Но во многих случаях конфигурация мотивов не приводит нас к авторскому смыслу без обращения к контекстному анализу, соотносящему произведение с конкретными историческими событиями.

Переводя эту методологическую концепцию на язык герменевтики, можно сказать, что в первом случае структурный анализ самостоятельно выявляет «*sensus auctoris*», а во втором случае, когда структурный анализ дополняется контекстным, реконструкция авторского смысла опирается на «*sensus primorum lectorum*» – на предполагаемое истолкование трагедии публикой, которое воссоздается на основе известных нам идей и представлений эпохи Еврипида.

Значение разработанного Б. М. Никольским метода интерпретации, на мой взгляд, выходит далеко за пределы анализируемого им материала: этот метод может проявить свою плодотворность в тех многих случаях, когда и «*sensus auctoris*», и «*sensus primorum lectorum*» восстанавливаются лишь гипотетически. Смею предположить, что подобная ситуация нередко встречается в истории литературы, и не только античной.

Композиция диссертации абсолютно логично вытекает из вышеописанной двуступенной процедуры интерпретации. В первом разделе, полностью посвященном трагедии «Ипполит», всецело доминирует структурный анализ, поскольку эта трагедия, по хорошо аргументированному мнению автора, вполне понятна и вне непосредственного историко-политического контекста. При этом и собственно структурный анализ оказывается чрезвычайно многоплановым: он учитывает сложную конфигурацию моральных качеств героев, которые по ходу действия меняют смысл, обнаруживая амбивалентность; персонажную структуру трагедии (в т. ч. и соотношение людей и богов); столь же динамичную оценку антропологических констант – речи и зрения; комплекс мотивов, связанных с природой; и, наконец, «сценические мотивы», связанные с организацией театрального пространства.

Структурный анализ позволяет автору вполне убедительно определить смысловую доминанту трагедии, которая заключена в сплетении трех мотивов: неизбежной слабости людей, противоречивости их добродетели и вытекающей отсюда высокой моральной ценности оправдания и прощения.

Анализ «Ипполита» в работе Б. М. Никольского включает и известную долю контекстуализации – но не историко-политической, а культурной: смысл трагедии, как показывает исследование, в полной мере проясняется при ее соотнесении с риторической и поэтической топикой. Мне представляется особенно плодотворной идея о претворении в трагедии определенных риторических техник, прежде всего приема оправдания в судебной риторике посредством обращения к топосу «непроизвольных ошибок». По сути, речь идет о разновидности третьего статуса – т. н. статуса определения; понятно, что система статусов была разработана намного позже времени Еврипида, но было бы заманчиво посмотреть, применимы ли и другие ее категории к анализу трагедии. Тем более, что прецедент имеется – я подразумеваю книгу Квентина Скиннера «Судебный Шекспир» (2014 г.), где показано, как в драматургии Шекспира работает вся система статусов (правда, в том ее варианте, который изложен в «Риторике к Гереннию»).

Чрезвычайно интересна глава об оппозиции речи и зрения, которая в конечном итоге, по мере развития трагедии, снимается: «зрение оказывается столь же обманчивым, сколь обманчивы лживые речи» (с. 70). Связь зрения с эросом как «главной эмоцией драмы» (с. 72), благодаря привлечению других текстов (очень удачна параллель с «Похвалой Елене» Горгия) представлена как важнейший топос греческой культуры, значимость которого, конечно, распространяется и на более поздние времена: упомяну лишь трактат «О любви» Андрея Капеллана с его отрицанием способности слепого полюбить, а также и «Федру» Расина: анализ семантики зрения в «Ипполите», который дает Б. М. Никольский, напомнил мне интерпретацию «Федры» в статьях Лео Шпицера, для которого отправным пунктом стал сам факт аномально частого употребления Расином глагола «voir».

Во втором разделе диссертации анализируются четыре трагедии Еврипида, смысл которых, по мнению автора, невозможно объяснить без привлечения непосредственного исторического контекста. Во всех четырех случаях этот контекст, на мой взгляд, не только блестяще реконструирован, но и приводит к обнаружению смысловой доминанты трагедии. Так, для «Алкесты» таким контекстом стали определенные события Самосской войны (соответственно, тема трагедии – «гостеприимство и военная помощь», с. 362); в «Троянках» автор предлагает видеть «пропаганду Сицилийского похода» (с. 444) и соответствующую цель – «вселить веру в справедливость похода и его успех» (с. 446), и т. д.

Метод, предложенный И. М. Никольским, при анализе конкретных трагедий проявил себя как в высшей степени эффективный: все пять рассмотренных им текстов не только об-

наружили целостность на уровне мотивной структуры, но и позволили четко и ясно выявить их смысловую доминанту – тему, заложенную в текст самим автором.

Б. М. Никольский подчеркивает, что в поиске целостности идет принципиально неаристотелевским путем и избирает трагедии, которые не соответствуют аристотелевскому критерию единства: «Критики, согласные с тем, что трагедия должна быть целостной, часто вслед за Аристотелем желают увидеть эту целостность в единстве действия и единстве центрального характера. У Еврипида, однако, повсюду мы встречаем примеры отсутствия единства такого рода» (с. 5). Замечу, впрочем, что для Аристотеля единство характера не принципиально: в «Поэтике» ясно говорится, что трагедия «возможна без характеров»; важна лишь целостность действия, «сказания».

Для Б. М. Никольского единство трагедии – в другом: в конфигурации мотивов, которая определяется такими принципами, как параллелизм, повтор образов и/или мотивов, симметрия и контраст (персонажей, сюжетных линий), которые могут соединяться в «контрастную симметрию» (с. 179-180), а также подчинение всего множества мотивов некоему центральному мотиву (смысловой доминанте).

Это, конечно, совсем не аристотелевское понимание единства драматического действия, и, по всей вероятности, полное отсутствие в диссертации каких-либо упоминаний «Поэтики» Аристотеля связано с установкой автора на отход от его традиции. Однако именно Аристотель определил границы драматического как «подражание лиц действующих» (здесь и далее цитирую «Поэтику» в переводе М. Л. Гаспарова) – и в этой связи у меня возникает вопрос о том, насколько специфика драматического (в данном случае собственно трагического) учитывается в предложенной Б. М. Никольском концепции целостности трагедии. Иначе говоря, не будет ли предложенный им метод реконструкции единого смысла применим и к другим жанрам античной литературы, например, к эпосу, – а если это так, то в чем, собственно, состоит для автора специфика трагической драмы как жанра, отличного от того же эпоса?

Попутно отмечу, что, несмотря на «замалчивание» Аристотеля, автор продолжает пользоваться категориями, разработанными в «Поэтике» применительно к трагедии и характеризующими ее фабулу: рассуждения о «мотиве незнания» и «приеме отложенного узнавания» в «Ипполите» (с. 38) не могут не напомнить об «узнавании» как «части сказания»; то же самое можно сказать и о понятии «перелома» (с. 166): автор, по сути дела, использует аристотелевский термин, но в ином смысле: как некий сдвиг в восприятии героя. Обсуждение «перемены» в функции героя «от активной к пассивной – от функции виновника к функции

жертвы» (с. 178) не может не напомнить аристотелевскую «перемену делаемого в <свое> противоположность».

Мне представляется, что автор на самом деле находится в некоем – быть может, даже не вполне осознаваемом – диалоге с Аристотелем, и выведение этого диалога на поверхность, его эксплицирование работу бы только усилило. И последний аргумент на ту же тему: если трагедия Еврипида не удовлетворяет аристотелевским критериям целостности, то почему Аристотель в «Поэтике» все-таки назвал его «трагичнейшим из поэтов»?

Обращаясь к библиографии исследования, не могу не отметить, что ее русская часть, чрезвычайно краткая, могла бы быть расширена работами, которые связаны с проблематикой диссертации: так, в анализе риторического начала в трагедии (особенно в связи с оправдательной риторикой) могла бы быть использована статья М. Л. Гаспарова «Античная риторика как система»; при обсуждении «терапевтического эффекта» трагедии – монография М. М. Позднева «Психология искусства. Учение Аристотеля».

Высказанные вопросы и пожелания ни в коей мере не ставят под сомнение несомненную научную важность результатов научно-квалификационной работы Б. М. Никольского, полученных на основе анализа огромного материала. Новыми крупными научными достижениями являются и предложенная Б. М. Никольским целостная и непротиворечивая интерпретация трагедий Еврипида, устраняющая целый ряд неясностей и противоречий в научной литературе по данной теме, и сам разработанный им метод структурного и контекстного анализа, который может быть применен и к другим текстам, в иных историко-литературных ситуациях.

Автореферат и публикации Б. М. Никольского полностью отражают содержание его научно-квалификационной работы. Ее результаты могут быть использованы в лекциях и семинарах по курсу истории античной литературы.

Диссертация на тему «Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий Еврипида», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, полностью соответствует критериям, указанным в пп. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор, Борис Михайлович Никольский, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по заявленной специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Доктор филологических наук
по специальности 10.01.08 –
Теория литературы. Текстология,
ведущий научный сотрудник
отдела литературоведения
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Махов Александр Евгеньевич
26.04.2017

Контактные данные:

ИНИОН РАН,

117997, Москва, Нахимовский проспект 51/21

Тел. (499) 124-37-83

эл. почта makhov636@yandex.ru

веб-сайт: <http://inion.ru>

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Сведения об официальном оппоненте

Махове Александре Евгеньевиче

Ф.И.О.	Махов Александр Евгеньевич
Ученая степень	Доктор филологических наук, специальность - 10.01.08 «Теория литературы. Текстология»
Место работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Структурное подразделение, должность	Отдел литературоведения, ведущий научный сотрудник
Почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты	117997, Москва, Нахимовский проспект 51/21 8 (916) 360-68-07 makhov636@yandex.ru
Публикации	<p>Махов А. Е. «Историческая топика»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 275-289.</p> <p>Махов А. Е. Компаративная риторика. Рабочая программа дисциплины // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20). С. 145-158.</p> <p>Makhov A. Veselovskij – Curtius: Historische Poetik – Historische Rhetorik // Die russische Schule der historischen Poetik / D. Kemper, V. Tjupa, S. Taškenov (Hg.) Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2013 (= Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- & Kulturbeziehungen an der RGGU Moskau, Band 4). S. 233-250.</p> <p>Махов А. Е. Якоб Гримм // Вопросы литературы. 2015. N 4. С. 269-280.</p> <p>Махов А. Е. Между музыкальностью и визуальностью: теория лирики в западноевропейской поэтике XVIII в. и в трактате Г.Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» // Новый филологический вестник. 2016. № 4 (39). С. 12-20.</p> <p>Махов А. Е. Пассионы Иоганна Себастьяна Баха: между драмой и лирикой // Studia Litterarum. 2016, Vol. 1, NN 1-2. С. 108-127.</p>

Махов